

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 97–115.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 97–115.

Научная статья

УДК 316.658.4:378.035.5(430)НСДАП(091)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/97-115>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ТЕХНОЛОГИИ НАЦИФИКАЦИИ И ИНДОКТРИНАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

Алексей Юрьевич Мамычев¹, Андрей Юрьевич Мордовцев²,
Евгений Александрович Паламарчук³

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

²Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия,
Ростов-на-Дону, Россия, aum.07@mail.ru

^{2,3}Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия

³epalamar@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению и исследованию основных трендов, форм и технологий нацистской государственной политики, связанной с целевой установкой фашистских властных элит по мобилизации немецкого студенчества в сфере легитимации власти III Рейха, путем индоктринации сознания студенческой молодежи, «продавливания» национал-социалистического мировоззрения в ткань немецкой (молодежной) правовой и политической культуры. Особое внимание в работе уделено деятельности Национал-социалистического германского студенческого союза и анализу нацистских пропагандистских технологий. Авторы используют методы исторического, логического, сравнительного, дедуктивного и индуктивного, генетического изучения (реконструкции) заявленного в теме феномена.

Ключевые слова: нацизм, студенческая молодежь, правовое сознание, политическое сознание, политические технологии, индоктринация, высшие учебные заведения, нацификация, идеология, пропаганда, политическая культура.

Для цитирования: Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю., Паламарчук Е.А. Государственная политика и технологии нацификации и индоктринации студенческой молодежи в Третьем Рейхе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 97–115.

Original article

STATE POLICY AND TECHNOLOGIES OF NATIONALIZATION AND INDOCTRINATION OF STUDENT YOUTH IN THE THIRD REICH

Alexey Yu. Mamychev¹, Andrey Yu. Mordovtsev², Evgeny A. Palamarchuk³

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia,
aum.07@mail.ru

³ Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the
Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia, epalamar@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the identification and study of the main trends, forms and technologies of Nazi state policy related to the targeted installation of fascist power elites to mobilize German students in the field of legitimizing the power of the III Reich, by indoctrinating the consciousness of student youth, "pushing" the national socialist worldview into the fabric of German (youth) legal and political culture. Particular attention is paid to the activities of the National Socialist German Student Union and the analysis of Nazi propaganda technologies. The authors use the methods of historical, logical, comparative, deductive and inductive, genetic study (reconstruction) of the phenomenon declared in the topic.

Keywords: Nazism, student youth, legal consciousness, political consciousness, political technologies, indoctrination, higher educational institutions, nazification, ideology, propaganda, political culture.

For citation: Mamychev A.Yu., Mordovtsev A.Yu., Palamarchuk E.A. State policy and technologies of nationalization and indoctrination of student youth in the Third Reich. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 97–115. (In Russ.)

Введение

Несмотря на то, что за десятилетия, прошедшие с момента падения гитлеровского политического (по мнению ряда зарубежных и отечественных исследователей, государственно-правового) режима, возникла обширнейшая историография, посвященная различным аспектам режима, интерес к основным направлениям политики, проводившейся нацистами в самой Германии и на оккупированных вермахтом территориях (в период Второй мировой войны), не только не ослабевает, но, напротив (в силу ряда современных трендов, процессов, событий), только обостряется, что в значительной степени обусловлено спецификой глобализационных процессов, погруживших мир в состояние перманентной нестабильности.

Демонстрируемая современным государственным руководством ведущих держав неспособность эффективно противостоять обладающим крайней степенью деструктивности новым глобальным вызовам (таким как миграционная проблема в Европе), приводит к усилению кризисных тенденций, способствующих определенному росту влияния праворадикальных политических партий и организаций в среде вузовской и иной молодежи.

Исследование любого политического режима, политической системы государства не может обойти вопрос их «человеческого измерения». В этом плане содержание политического режима, его аксиологическая ориентация, вектор развития, степень устойчивости всегда так или иначе сопряжены с механизмом индоктринации, его целями и смыслом, технологиями и спецификой функционирования участвующих в его проведении властных элит, институциональных образований (нормативных и организационных) и др. Особенности разного рода индоктринаций, их видов и форм, кроме всего прочего, выступают в качестве одного из важнейших параметров типизации политических режимов, их отнесенности к демократическим или антидемократическим состояниям конкретного политического мира.

В этой связи особый интерес представляет анализ соответствующего направления нацистской молодежной политики, нацеленного на превращение высших учебных заведений в центры своего влияния, «очаги» нацификации массового сознания, его «выпрямления» под национал-социалистские идеологические постулаты.

Методология исследования

Проблема индоктринации, рассмотрение сущностных и функционально-технологических аспектов этого феномена ставилась и анализировалась достаточно давно, т.е. имеет основательную традицию исследования. В общеметодологическом и теоретическом плане следует заметить, что еще Платон обращал внимание на важность технологий индоктринации в созданном им мире «идеального государства», считая, что если из поколения в поколения подданным государства постоянно повторять, внушать с помощью разных средств (в том числе философии и искусства, например поэзии) базовые идеи и принципы предлагаемого им государства, то они будут весьма прочно усвоены. Миф становится исторически первой формой индоктринации, исходящей от властных элит, и в разных своих видах сохраняет свое идеологическое значение и в настоящее время.

«Прежде всего нам, вероятно, надо смотреть за творцами мифов: если их произведение хорошо, мы допустим его, если же нет – отвергнем. Мы уговорим воспитательниц и матерей рассказывать детям лишь признанные мифы, чтобы с их помощью формировать души детей...» [1, с. 156]. Причем, если в миф не поверят ныне живущие поколения, то все последующие, воспитанные на таких мифах, неизбежно будут убеждены в соответствующем порядке вещей. В процессе индоктринации всегда

имеет место интенциональность, т.е. направленность на радикальное изменение сознания, в данном случае молодежи; прагматичность, связанная со стремлением государства с помощью мифа достигнуть важного для его сохранения и развития в рамках конкретного политико-правового режима и социально-правовой (антропологически-правовой) парадигмы результата; жесткое информационное цензурирование, в рамках которого сохраняется необходимое для государственной власти содержание мифа, его ценностная ориентация.

Оставаясь в таком эвристическом контексте, заметим, что в настоящее время значительных успехов в исследовании таких феноменов, как политический режим и идеологический механизм его легитимации историческая, политическая и юридическая науки добьются только после перехода на принципиально иные (чем, например, это имело место в советском гуманитарном дискурсе) методологические позиции: важно следовать принципу *взаимной дополнительности* с использованием методов *объяснения и понимания* в рамках системного (структурно-функционального) подхода.

В частности, для понимания природы человеческого поведения в любой сфере (и особенно в политической, правовой, духовной) принцип дополнительности приобретает явное эпистемологическое значение. Его применение означает признание следующей социально-политической и социально-правовой, культурологической специфики: с одной стороны, существующие в обществе государственно-правовые институты (в частности элементы правовой системы) неизбежно детерминируют, регулируют, направляют и даже оценивают поведение индивида как правомерное (допустимое, желаемое или необходимое) либо неправомерное, а с другой – эффективность функционирования этих институтов, направление их развития, особенности функционирования, роль в обществе и государстве всегда предопределяются *субъективным* или «личностным» фактором, т.е. происходит взаимное дополнение, *уравновешивание субъективного и объективного* в политическом, государственно-правовом или социально-правовом секторах общественных отношений, жизнедеятельности.

Эффективность работы и устойчивость во времени государственных и партийных структур Третьего рейха во многом определяется наличием механизма их социальной легитимации, оправданности в глазах большинства населения и прежде всего молодежи. Этот же механизм, в свою очередь, является результатом и индикатором успешности, «качественности» индоктринации и нацификации как видового проявления первого. Именно процесс постоянного повторения, внушения через образование (среднее и высшее), СМИ, общественные (например, молодежные, «трудовой фронт» и др.) организации в итоге приводит к «свертыванию» разных форм массового критического политико-правового и иного мышления: возникает своего рода идеологический «коридор», по которому лидеры (водители и др.) могут проводить свои

идеи, мнения, позиции, принимаемые и усваиваемые некритически, без какой-либо аргументации.

Индоктринация и ее разновидность – нацификация оказались способными в весьма короткие сроки разрушить социокультурное диалогическое пространство даже такого, в целом высоко философско-интеллектуального государства и общества (обладающего, как это показывают известные исторические события и процессы, искусством дискуссий, полемической культурой), каковым являлась Германия начиная примерно с XVI в. (Реформация М. Лютера и т.п.).

Проводя масштабную и целенаправленную индоктринацию (нацификацию), гитлеровский режим стремился породить поколения «послушников» как важнейшую опору для собственного существования. В этом плане вовлечение в изучение данного политического режима механизма индоктринации и нацификации предполагает использование метода генетической реконструкции, позволяющего выявить специфику возникновения и немецкого национал-социализма, и соответствующих ему форм (например, правления, государственного устройства, режима и др.) и институтов.

При обращении к «человеческому измерению» разных государственно-правовых пространств, в частности таких их элементов, как политические режимы и формы правления, весьма продуктивными оказываются сравнительно-исторический и сравнительно-правовой методы познания. Только при их использовании исследование приобретает необходимый «градус критичности», позволяет сопоставить практики индоктринации, сформировавшиеся, по большому счету, в политических режимах одного типа (например, недемократических), но возникших в разных государствах. Причем можно либо проводить синхронное сравнение процессов и явлений как имеющих место в одно и то же время (например, индоктринация в Третьем Рейхе и в СССР 30-40-х годов), либо остановиться на асинхронном, рассмотрев индоктринационные тренды в несовпадающих временных параметрах (например, нацификацию Третьего Рейха и это же явление в ряде современных государств).

И в первом, и во втором случае простое сравнительное описание не может быть целью исследования, последнее должно быть направлено на выявление сути, важнейших качеств, свойств явлений, что и будет иметь эвристическое значение, представлять прогнозно-практический (социально футурологический) интерес (определение и оценка тенденций дальнейшего развития изученных путем сравнения политико-правовых и духовных форм, процессов, институционально-организационных и институционально-нормативных структур). История в таком ракурсе будет действительно выступать в качестве «учительницы жизни» (Цицерон), «надзирательницы», «наказывающей за невыученные уроки» (В.О. Ключевский), основы понимания не только прошлого, но и настоящего и будущего.

Основная часть

Высшие партийные и государственные инстанции Третьего Рейха, ставившие перед собой задачу охвата тотальным контролем всех возрастных групп и категорий молодежи, повышенное внимание уделяли студенчеству, поскольку, в значительной степени, именно специалистам с высшим образованием предстояло в дальнейшем стать активными проводниками национал-социалистической политики, в том числе и социальной, заняв ключевые посты в различных государственных и партийных структурах.

Еще при организационном оформлении Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП) в целях распространения нацистского влияния среди студенчества в 20-й пункт ее программы было включено требование «предпринять полную реорганизацию национальной системы образования, с тем чтобы дать каждому способному и трудолюбивому немцу преимущества высшего образования и, вместе с тем, возможность занять свое место в национальном руководстве», а также предоставить образовательные льготы «для обучения за счет государства одаренных детей бедных родителей независимо от их профессии и классовой принадлежности» [2, р. 78–79].

В последние годы Веймарской республики университеты в гораздо большей степени, чем остальные учебные заведения, становятся оплотом национал-социализма [3, s. 264]. В этом отношении весьма показателен тот факт, что именно студенты-нацисты летом 1931 г. одержали победу на проходивших в Граце ежегодных выборах в имперское студенческое самоуправление [4, р. 67].

С установлением гитлеровского режима было начато осуществление «программы Лангемарка», открывавшей возможность поступления в университеты лицам, не имевшим сертификата об окончании средней школы – абитуры. Однако уже с 1934 г. вводится целый ряд ограничений, заметно сужавших круг лиц, которые могли рассчитывать на получение студенческого билета. Причем среди критериев, положенных в основу отбора абитуриентов, уровень их знаний стоял отнюдь не на первом месте: в качестве обязательного условия для поступления в вуз было объявлено наличие у выпускника средней школы характеристики, содержащей заключение о его пригодности к получению высшего образования. Таковую, конечно же, выдавали не всем.

Кроме того, согласно заявлению руководства общегерманской организации «Немецкое студенчество» от 9 февраля и указу рейхсминистра внутренних дел, датированному 21 апреля 1934 г., все выпускники средних учебных заведений, стремившиеся поступить в вуз, должны были отбыть трудовую повинность в специальном лагере. По ее окончании им выдавалась «Тетрадь обязанности Немецкого студенчества», дававшая им право на зачисление в высшее учебное заведение [5, с. 124].

Помимо этих ограничительных мер в 1934 г., при наличии 30 тыс. абитуриентов, для поступающих в вузы была введена квота в 15 тыс. человек. Фактически же на

студенческие скамьи в том году сели 11 774 первокурсника. Это было вызвано как демографическим спадом в стране, так и обозначившимся при нацистах снижением престижности высшего образования вообще, гуманитарного в частности (о последнем говорит, например, тот факт, что если в период между Первой и Второй мировыми войнами 30% студенческой молодежи обучалось на филологических факультетах и именно из их среды выходило большинство учительских кадров средних школ, то в 1939 г. доля таких студентов снизилась до 10%, а в 1941 г. – до 5%) [3, s. 264].

Отныне студенчество должно было подчиняться требованиям строжайшей дисциплины. При этом, как и в средней школе, приоритет в вузах отдавался физическому воспитанию и формированию характера в ущерб академическому обучению. Уже в первом номере журнала «Немецкий студент», который стал издаваться в Третьем рейхе, утверждалась большая ценность для нового режима человека действия по сравнению с отстраненным наблюдателем. Иллюстрировалось это утверждение следующим примером: для того чтобы стать в будущем судьей, студенту-юристу достаточно двух семестров изучения права. Однако более важной задачей, стоявшей перед ним, являлось получение представления о реальной жизни, которое давала практическая работа на промышленных предприятиях или фермах. В связи с этим на студенчество была распространена трудовая повинность, которая отбывалась в период семестровых каникул и была рассчитана на десять недель [5, с. 124].

Рейхсминистр науки, образования и культуры Б. Руст в своем выступлении 16 июня 1933 г. перед первой группой студентов Берлинского университета, отправлявшейся в лагерь трудовой повинности, напутствовал их словами о том, что подлинной школой жизни для них станет не университет, а «лагерь трудовой повинности, так как там прекращаются обучение и развлечения и начинается действие» [3, s. 267]. «Тот, кто терпит неудачу в лагере, – подчеркивал министр, – утрачивает право управлять Германией как выпускник вуза». Здесь же уместно привести высказывание одного из нацистских авторов: «Национал-социализм вырвал немецкого студента из его изоляции, дал ему в руки лопату и поставил его на политической передовой трудового лагеря... Трудовой лагерь – это не гостиная и не великосветский салон; здесь господствует жизнь со всеми ее трудностями... с ее недостатками и благородством, взлетами и падениями... Цельный человек находится в цельной реальности» [6, р. 394].

«Политические солдаты в униформе, – подчеркивалось в указанной выше статье из «Немецкого студента», – двинутся в университеты. Интеллектуал боится такого варварства, но молодое поколение хочет вернуться в джунгли». В тех же выражениях было выдержано обращение к студентам профессора-историка Гамбургского университета А. Райна, с которым он выступил в начале 1933 г. «Мы немцы, – говорилось в нем, – долго несли прозвище варваров как символ чести – в варварских вторжениях в течение средних веков, когда пышно расцвел германский интеллектуальный

мир; мы были варварами в эпоху Ренессанса и в мировую войну. Бисмарка прозвали варваром. Если революцию (нацистскую – *авт.*) также называют варварской, значит, мы знаем, что мы на верном пути». (Студенты отреагировали громкими продолжительными аплодисментами) [6, р. 378, 381].

Еще более примечательным, на наш взгляд, является датированное ноябрем 1933 г. выступление М. Хайдеггера, ставшего весной того же года ректором Фрайбургского университета. Так, обращаясь к студентам, он заявил: «Ваши жизни не будут управляться догмами и «идеями». Сам фюрер, и лишь он один, теперь и в будущем – реальность Германии и ее закон».

В своей инаугурационной лекции в мае 1933 г. он провозгласил: «Множественно перевозносимая «академическая свобода» должна быть изгнана из германских университетов, поскольку эта свобода, будучи исключительно негативной, не является подлинной. Она означает, главным образом, беспечность, своевольное проявление намерений и склонностей, необязательность. Концепция свободы немецких студентов теперь возвращается к своему подлинному значению», из которого «будут проистекать будущие обязательства и обязанности немецкого студента. Первое обязательство – по отношению к народному сообществу... должно... внедряться Трудовой повинностью. Второе обязательство – по отношению к чести и судьбе нации среди других наций» – связано с военной службой. «Третье обязательство студента – духовная миссия немецкого народа...». Три службы, вытекающие из этих обязательств, – «трудовая... военная... и служба знаний – в равной степени обязательны и равнозначны...» [6, р. 382–383].

Таким образом, и в речи М. Хайдеггера, отражавшей официальную позицию нацистского руководства, несмотря на констатацию равнозначности перечисленных сфер приложения сил указанных категорий молодого поколения, овладение знаниями поставлено на последнее место. Последствия подобной политики в сфере высшего образования не заставили себя долго ждать. Командование вермахта отмечало у призывников «ежегодное снижение уровня знаний, способности мыслить логически...», а также «неадекватное владение немецким языком в его устной и письменной формах». Кроме того, многие молодые немцы устремились в бизнес и вермахт, где университетский диплом был необязателен.

В целом же общее количество студентов уменьшилось со 128 тыс. человек в 1931–1932 гг. до 57 тыс. в 1937–1938 гг. Особые потери понесли факультеты теологии и права. При этом в противовес программным установкам национал-социалистов произошло сокращение контингента студентов из среднего и нижнего среднего классов, тогда как одновременно в вузовских аудиториях возросло число молодых людей, чьи родители имели высшее образование [6, р. 396–397].

Достижению унификации студенческой жизни в Третьем рейхе должно было способствовать создание в 1933 г. Национал-социалистического германского сту-

денческого союза (НСГСС). Правда, поначалу большинство студентов стремились сохранить свободу или же отдавали предпочтение членству в многочисленных товариществах, в связи с чем возглавлявший Имперское студенческое руководство Г. Шеел высказывал беспокойство по поводу того, что студенты вполне открыто отказывались вступать в эту организацию «по идеологическим причинам» [7, р. 178].

Однако уже с апреля 1934 г. подобное поведение стало рассматриваться как несовместимое с пребыванием в вузе, членство в Союзе было объявлено обязательным для всего студенчества [8, с. 165], а в 1936 г. произошло насильственное слияние еще существовавших на тот момент товариществ с НСГСС [6, р. 379, 395].

В лице последнего власти получили довольно эффективный инструмент повседневного контроля за студенческой жизнью в Третьем рейхе и дисциплинирования студенчества, позволявший направлять характерную для молодежи тягу к радикализму в заданном режиме направления. С целью устранения каких бы то ни было помех на этом пути в вузах так же, как и в других организациях, была проведена чистка от «нежелательных элементов». К началу 1934 г. около 570 студентов были исключены из высшей школы по политическим мотивам. Ясно, что одними из первых под удар попали евреи. С принятием 25 апреля 1933 г. «Закона против переполнения германских школ и университетов» для еврейских студентов была установлена квота, составившая 1,5%, что соответствовало доле евреев среди населения страны в целом.

В некоторых же университетских городах дискриминационные меры против еврейской студенческой молодежи были введены еще ранее. Так, 1 апреля 1933 г., в день проведения общенационального антиеврейского бойкота, члены гамбургского отделения Союза добились от ректора местного университета и члена городского сената Офтердингера принятия решения ограничить доступ евреев к обучению в университете. Они же заручились согласием президента университетской администрации не рассматривать ходатайства студентов-евреев о предоставлении им финансовой помощи, а преподавателям-евреям не присваивать профессорские и доцентские звания. Кроме того, студенты еврейского происхождения регулярно подвергались со стороны своих «арийских» сверстников физическим и моральным унижениям. А в ноябре 1938 г., вслед за событиями «Хрустальной ночи», всем студентам-евреям пришлось покинуть университетские стены [6, р. 379; 8, р. 198–199].

Студенты германских вузов принимали активное участие в травле расово и политически чуждого профессорско-преподавательского состава. Так, 19 апреля 1933 г. глава «Немецкого студенчества» Г. Крюгер дал указание местным студенческим организациям разоблачать университетских преподавателей-евреев, коммунистов и социалистов, а также тех, чей подход к преподаванию «отражает их либеральную или, в особенности, пацифистскую направленность», что делает их непригодными для «обучения немецких студентов в националистическом государстве».

Естественно, очень часто мишенями становились профессора, известные как строгие экзаменаторы [6, р. 378] (правда, по некоторым данным, в 1933 г. НСГСС иногда выступал в защиту вузовских преподавателей-евреев [9, с. 164], но это были редчайшие исключения, своего рода издержки, связанные с тем, что вседозволенность в отношении «неарийцев» еще не стала всеобщей нормой жизни). В первые 12 месяцев национал-социалистического господства были уволены 14,34% всего преподавательского состава университетов и 11% профессоров. Дюссельдорф потерял 50%, Берлин и Франкфурт-на-Майне – по 32% каждый, Гейдельберг – свыше 24%, Бреслау – 22%, Геттинген, Фрайбург, Гамбург и Кельн лишились 18–19% своих педагогических кадров. В университете Киля жертвой этой кампании стали 28 представителей профессуры. Более того, студенческие активисты борьбы за «чистоту рядов» настаивали на том, чтобы в дальнейшем профессорам-евреям разрешалось публиковать свои работы только на еврейском языке, а трудоустройство работников высшей школы осуществлялось лишь с согласия студенчества. Такой же была ситуация и в других высших учебных заведениях.

Одновременно, в точном соответствии с законами драматургии тоталитарного режима, запреты и репрессии обрушились на печатную продукцию, не отвечающую идеологическим установкам нацизма. Студенты национал-социалисты требовали изъятия из университетских библиотек учебников и курсов лекций, не вызывавших у них доверия в силу «неблагонадежности» их авторов [3, s. 266]. 10 мая 1933 г. произошло событие, вошедшее в историю Германии как «День сжигания книг» и напоминавшее о наиболее мрачных временах инквизиции.

По инициативе НСГСС на берлинской Франц-Йозеф-плац было устроено грандиозное аутодафе: студенты и другие национал-социалисты публично сжгли книги 24 «нежелательных и вредных» авторов, среди которых оказались Карл Маркс, Зигмунд Фрейд, Стефан Цвейг, Генрих Манн, Эрих Кестнер (последний стал очевидцем происходившего) и др. В разгар этой вакханалии появился Й. Геббельс и обратился к собравшимся с зажигательной речью, «подлившей масла в огонь». «Век крайнего интеллектуализма теперь окончился, и успех германской революции вновь проложил дорогу германскому духу, – громогласно провозгласил он. – Вы делаете правое дело, предавая дух прошлого пламени. Это сильный, великий и символический акт... Прошлое лежит в огне... Будущее поднимается из огня в наших собственных сердцах» [10, р. 68].

Именно на Национал-социалистический германский студенческий союз в значительной степени возлагалась и задача контроля за формированием у студентов национал-социалистического мировоззрения. Об этом прямо говорится в серии публикаций, помещенных в 1935 г. во втором номере журнала «Народ в становлении» (редакция последнего вообще уделяла много внимания проблемам студенчества).

Так, указав, что Союзу передано решение всех вопросов, связанных с политико-мировоззренческим воспитанием немецких студентов, Г. Мэнер, автор статьи «Политико-воспитательная работа в лагерях обучения НСГ (Национал-социалистического германского. – *авт.*) студенческого союза», отметил, что таким образом Студенческий союз продолжил выполнение той миссии, которую на предыдущем этапе осуществляли Гитлерюгенд и Трудовая повинность. Работа Союза, писал он, «способствует тому, чтобы сформировать национал-социалистических ученых, которые в будущем смогут... организовать национал-социалистически обоснованную науку». «Лучшая форма мировоззренческого воспитания немецкого студента, – продолжал Г. Мэнер, – проявилась в обучающем лагере», поскольку цель Союза – в том, чтобы воспитать людей, «которые понимают национал-социализм не только теоретически, но также живут им на практике... Такие люди не могут быть отобраны и воспитаны через доклады и лекции... а только в истинном сообществе, которое достигается лишь в дружественной совместной жизни и совместных работах, как это происходит в лагере обучения», где «господствует «закон команды» [11, s. 95]. При этом, подчеркивал Г. Мэнер, команда управляется фюрером лагеря, который является ее частью, деля со своими подчиненными радость и страдание.

Подобные лагеря функционировали в каникулярное время. Помимо «умственной обучающей работы» их обитатели занимались спортом и различными видами трудовой деятельности. В качестве примера автор статьи привел лагерь Студенческого союза, действовавшие во время осенних каникул 1934 г. Студенты «собирали в лесах дерево, размельчали сухие ветки и сучья, связывали их и грузили хворост в грузовики, в которых собранный горючий материал перевозился к пунктам организации «Зимней помощи», либо оказывали крестьянам окрестных деревень помощь в уборке урожая, «приобретая таким образом связь с крестьянскими фольксгеноссен, которая становилась намного искренней, чем того можно было достичь через общие митинги и праздники».

Не последнюю роль в сплочении таких студентов, по мнению Г. Мэнера, играли дружеские вечера, в ходе которых, собираясь «после тяжелой дневной работы» у костров, все дружно исполняли «старые боевые песни» нацистского движения, а фюрер лагеря зачитывал отрывки из национал-социалистической литературы [11, s. 96–98].

Сходные мысли приводились и в статье Х. Кремера «Культурно-политические задачи НСГ студенческого союза», напечатанной там же. «Национал-социализм в немецких высших школах, – говорилось в ней, – нуждается в команде, которая одержима сознанием социальных и национальных связей, охватывающих всю нацию, обладает желанием и силой, научными и культурными элементами, постановкой цели и системой для того, чтобы в прочном самовоспитании соответствующим образом выполнять общие требования...» [12, s. 99].

Начальник Имперской службы А. Дерихсвайлер в публикации «Студент движения» ставил на первое место долг студенчества перед фатерландом. «Мы хотим воспитывать парней, которые бы не ударили лицом в грязь во всех сферах и в любых жизненных ситуациях; тех, для кого мысль о народе и отечестве является всем и для кого сама жизнь означает исключительно обязанность и труд», – подчеркивал он [13, s. 84].

Руководитель Расово-политического управления НСДАП В. Гросс, чья статья «О новой боевитости студента» была опубликована в том же номере журнала, писал, что студенческая молодежь «должна... быть носителем духовной борьбы за единство нового образа мира», а для достижения поставленных перед ней режимом целей она нуждается в трех добродетелях – «послушания и дисциплины своего включения в народ; ...прилежания и верности своим профессиональным обязанностям; ...героя и борца, который ясно осознает величие своей борьбы и потому любит ее», черпая «из этой любви к великой борьбе... силу для победы» [14, s. 93].

Приведенные высказывания носили программный характер и в дополнительных комментариях не нуждаются.

Для реализации поставленных перед ним задач студенчество, как и молодежь в целом, должно было отличаться отменным здоровьем. В рамках организации «Имперское студенческое дело», созданной Законом от 2 ноября 1934 г. (она объединяла 64 имперские немецкие высшие школы и 51 местную студенческую организацию), была образована студенческая «служба здоровья», существовавшая исключительно за счет студенческих взносов.

Как отмечал Х. Штрайт, посвятивший ее деятельности специальную статью, к ее компетенции относились: осуществление отбора среди абитуриентов с целью отсева не подходивших по медицинским, расово-гигиеническим и наследственно-биологическим показателям; проведение обязательных обследований студентов, в частности в связи с широким распространением среди них туберкулеза; создание студенческих больничных касс, забота о больных, страхование при несчастных случаях. Неукоснительно следуя воле фюрера, требовавшего от руководства вузов обращать внимание, «во-первых, на здоровье, во-вторых, на выработку характера, в-третьих, на одаренность», «Имперское студенческое дело», подчеркивал автор статьи, «тесно сотрудничает со службами, в которых студент должен доказать свою человеческую и политическую позицию» – с Гитлерюгенд, СА, СС, Трудовой повинностью, рейхсвером, профсоюзами и НСГСС.

Согласно приводимым Х. Штрайтом данным, больничная касса компенсировала каждому из 100 тыс. студентов почти 70% всех расходов на лечение в случае болезни при среднем посеместровом взносе в размере шести рейхсмарок, взимаемом с каждого студента. Те же взносы в фонд страхования от несчастных случаев составляли 1 рейхсмарку, в то время как компенсация ущерба за счет этого фонда могла достигать суммы в 20 тыс. рейхсмарок. Помимо всего прочего, в рамках «Имперского

студенческого дела» действовала ссудная касса, из фондов которой, если верить Х. Штрайту, 30 тыс. студентов были выданы долгосрочные ссуды на общую сумму в 16 млн рейхсмарок [15, s. 131, 133–135].

Допуская, что указанные Х. Штрайтом цифры являются завышенными (такой вывод можно сделать из пропагандистского характера его публикации), и не имея возможности проверить их достоверность, мы, тем не менее, не видим сколько-нибудь веских оснований подвергать сомнению сам факт подобной поддержки, осуществлявшейся нацистами в отношении той части отвечавшего официальным критериям полноценности студенчества, которая испытывала материальные затруднения. Подобная политика в полной мере отражала тоталитарно-социальный характер Третьего рейха. Материальная помощь, оказывавшаяся определенным кругам студенческой молодежи (в том числе и за счет взносов самих студентов), безусловно, была реальной. Однако она имела свою вполне конкретную цену, позволяя властям коррумпировать студенческое сообщество и таким образом еще теснее привязать его к режиму, а в дальнейшем интегрировать в так называемое «народное сообщество».

Новый режим изначально декларировал негативное отношение к высшему женскому образованию (по мнению лидеров национал-социализма, женщины должны были рожать детей и заниматься домашним хозяйством, не помышляя о карьере). 25 апреля 1933 г. для студенток была установлена десятипроцентная квота, что привело в довоенный период к резкому сокращению их доли: с 18,5% в годы, предшествовавшие приходу нацистов к власти, до 11,2% в 1939 г. Те же немки, которые смогли пробиться в число «избранных», должны были, как и их сокурсники, помимо овладения знаниями брать на себя дополнительные обязательства по отношению к фатерланду.

В статье, посвященной женскому высшему образованию (1935 г.), Р. Гензекке писала, что «осознание необходимости включить каждую студентку в дело строительства Третьего рейха, с тем чтобы она... находилась в центре своего народа, чувствовала себя частью происходящего в народе и содействовала этому», породило требование создания в немецком студенчестве главной службы для студенток. «Вот уже на протяжении трех семестров, – отмечала она, – каждая студентка... охвачена в рамках студенческого служебного плана, который требует от нее регулярных занятий спортом, сотрудничества в Национал-социалистической народной благотворительности [16], ...в организации «Зимней помощи» [17, с. 438–472], интенсивной подготовки в противовоздушной обороне, оказании первой помощи» [18, s. 114].

Уже в довоенные годы режиму удалось вовлечь подавляющее большинство всех категорий молодежи, не в последнюю очередь студенчества, в осуществление проводимой им политики. Несмотря на то, что именно в молодежной среде чаще, чем среди других групп населения, властям приходилось встречаться с проявлениями оппозиционности (это отчасти объяснялось возрастными особенностями молодежи),

основная часть молодого поколения послушно «держала шаг», демонстрируя ежеминутную готовность выполнить любой приказ своих фюреров. Это в полной мере проявилось в период войны, начало которой для вузов, по понятным причинам, ознаменовалось тем, что количественное соотношение между мужской и женской студенческой молодежью изменилось в пользу последней. К 1944 г. девушки и женщины составляли почти половину всех обучающихся в университетах рейха [6, р. 397].

Был поставлен вопрос и о сокращении части теологических факультетов. 6 марта 1940 г. Геббельс поручил статс-секретарю Имперского министерства народного просвещения и пропаганды Л. Гуттереру направить соответствующий запрос в Министерство народного образования, обосновав его тем, что «количество студентов-богословов во многих университетах не соответствует числу преподавателей»¹. Это явилось отражением продолжавшихся усилий партийных и государственных инстанций рейха по ослаблению влияния церкви на молодежь, ставших в военное время еще более актуальными: на проводимом Геббельсом 31 июля 1940 г. инструктаже в министерстве Гуттерер получил указание министра проверить информацию о том, что некий потсдамский священник сказал в своей проповеди: «Господи! Смилуйся над нашей молодежью, которая бесцельно проводит жизнь». «В том случае, если это правда, – подчеркнул Геббельс, – Гуттерер должен в не допускающей сомнения форме объяснить священнику, что при повторении подобного его ожидает концлагерь»².

Разумеется, важную роль в нацификации (индоктринации) студенческой молодежи играли проводившиеся нацистским режимом в рамках осуществлявшейся им социальной политики меры поддержки стремившихся к получению высшего образования лиц, имевших военные заслуги перед Германией. Так, предписанием Руста от 20 апреля 1941 г., с изменениями и дополнениями от 30 апреля и 21 сентября 1942 г., «участникам нынешней войны, которые хотят учиться или намереваются продолжить уже начатую учебу», предоставлялись налоговые льготы и денежные дотации, суммы которых были тем больше, чем продолжительнее был срок их военной службы. «В случае необходимости, – говорилось в документе, – участники войны могут быть поощрены во время их учебы дополнительно получаемыми льготами». Освобождение от налогов распространялось на «супругов и детей, павших в нынешней войне, или участников войны, умерших вследствие ранения на военной службе».

При этом инвалиды войны, а также ее участники, чей срок выслуги составлял более трех с половиной лет действительной военной службы, из которых, по меньшей мере два года приходилось на военные годы, полностью освобождались от оплаты за обучение. Для остальных категорий военнослужащих устанавливалась сле-

¹ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 6. Л. 6.

² РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 10. Л. 44.

дующая градация: свыше двух, двух с половиной, трех лет действительной военной службы (из них в каждом из перечисленных случаев, соответственно, не менее полу-года, года, полутора лет во время войны) давали право (в той же последовательности) не платить за четверть, половину, три четверти всего или оставшегося периода обучения. Тем же фронтовикам, которые уже являлись выпускниками вузов, но стремились продолжить свое образование, подобные льготы предоставлялись лишь в том случае, если для этого имелись серьезные основания: необходимость получения соответствующей профессии или смены последней вследствие ранения, приведшего к инвалидности¹. Ректор вуза, в который поступал такой льготник, мог по согласованию с местным студенческим фюрером аннулировать освобождение от оплаты в случае низкой успеваемости или плохого поведения последнего. Женам и детям павших в войне или умерших вследствие полученного в ней ранения предоставлялось право бесплатного получения образования на весь период обучения².

В то же время в годы войны, особенно на ее заключительном этапе, контроль за студенчеством был вынужденно временно ослаблен. Студенты, прибывавшие в краткосрочный отпуск для продолжения учебы, оставались под военной юрисдикцией и не были обязаны следовать приказам студенческих лидеров. В связи с этим они не выказывали особого пиетета по отношению к НСГСС.

Согласно донесениям СД подобные студенты предпочитали предаваться радостям свободной частной жизни, игнорируя участие в собраниях, партийной работе и тому подобных мероприятиях. «После их длительного пребывания в суровых условиях военной жизни они хотят вновь самостоятельно планировать свои собственные дела, посвящать себя... занятиям и самостоятельно распоряжаться своим временем», – констатировалось в одном из таких сообщений [7, р. 179]. Однако, несмотря на сказанное, если не считать деятельности подпольной организации «Белая Роза», сколько-нибудь заметной оппозиции режиму в студенческой среде не наблюдалось. Основная масса студенчества дисциплинированно выполняла диктуемые военным временем обязанности. В начале зимнего семестра 1944–1945 гг. 54% всех студентов были одновременно призваны на действительную военную службу. Те же из них, кого чаша сия миновала, и профессура должны были принимать участие в фольксштурме [7, р. 180].

Выводы

На основании изложенного можно констатировать, что поставленная нацистским политическим руководством цель индоктринации и нацификации студенческой молодежи в основном была достигнута. Созданный политико-правовой индоктринационный механизм работал эффективно, что, разумеется, дало свои результаты. За относи-

¹ РГВА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

² РГВА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 42. Л. 1 об.

ительно непродолжительный период существования гитлеровского режима национал-социалистическая идеология пустила в немецком студенчестве глубокие корни.

С одной стороны, это явилось следствием перманентного пропагандистского и карательного пресса, подавления малейших намеков на проявление инакомыслия со стороны отдельных представителей студенческого сообщества, установления для последних соответствующих карьерных барьеров. Однако не меньшее значение имело и то, что партийным и государственным структурам Третьего рейха удалось увлечь значительную часть вузовской молодежи стоявшими перед страной задачами в области внутренней и внешней политики, с решением которых геббельсовская пропаганда связывала возрождение Германии, возвращение ее в сонм мировых держав, выполнение «исторической миссии» сокрушения «неполноценных» в расовом отношении народов и ликвидации исходившей от них «цивилизационной угрозы». Лишь крах нацистского режима поставил крест на его планах соответствующего использования социального потенциала немецкого студенчества.

Рассмотрение и анализ обширного фактического материала позволяет выделить основные структурные элементы сформировавшегося в государственно-правовом и социальном пространстве Третьего рейха механизма индоктринации (нацификации):

1) национал-социалистская доктрина: «антропологическая парадигма», «образ семьи», смысл и значение образования (обучения, воспитания), его первоочередные цели и искомые результаты, место в идеологическом поле «арийского» государства, гендерные ценности и соответствующие им основы социальной политики;

2) нормативно-правовой (законодательный) элемент, предполагающий разработку законодательных актов, необходимых для индоктринационной работы в студенческо-молодежной среде;

3) институционально-организационная составляющая, т.е. молодежные (студенческие и иные) организации, университеты, школы, профессиональные корпорации и др., участвующие в нацификации подрастающего поколения;

4) технологический элемент, включающий в себя способы индоктринации и нацификации, методы воздействия на политическое и правовое сознание студентов и других представителей молодежи Германии в 30-х и 40-х годах XX в., символы и ритуалы, задействованные в этом процессе, и т.п. Ясно, что технологии индоктринации и нацификации постоянно «оттачивались», их эффективность была в центре внимания имперского идеологического аппарата.

Список источников

1. Платон. Сочинения. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. 685 с.
2. Fascism. Three Major Regimes / ed. by H. Lubasz. New York, 1973. 188 p.
3. Koch H.W. Geschichte der Hitlerjugend. Ihre Ursprünge und ihre Entwicklung 1922–1945. Percha am Starnberger See: Verlag R. S. Schultz, 1975. 487 s.

4. Kater M.H. *The Nazi Party. A social profile of members and leaders, 1919–1945.* Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press, 1983. 415 p.
5. Ерин М.Е., Ермаков А.М. Имперская трудовая повинность в нацистской Германии (1933–1945). Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1998. 195 с.
6. Noakes J. The ivory tower under siege: German universities in the Third Reich // *Journal of European Studies. Literature and ideas from the renaissance to the present.* 1993. Vol. 23, part 4, no. 92. P. 394.
7. Giles G.J. The Rise of the National Socialist Students' Association and the Failure of Political Education in the Third Reich // *The Shaping of the Nazi State / ed. by P.D. Stachura.* London: Croom Helm; New York: Barnes and Noble Books, 1978. P. 153–180.
8. Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. 323 с.
9. Giles G.J. University Government in Nazi Germany: Hamburg // *Minerva. A Review of Science, learning and policy.* 1978. Vol. XVI, no. 2. P. 198–199.
10. Bramstedt E.K. *Goebbels and National-Socialist Propaganda 1925–1945.* London, 1965. 488 p.
11. Mähner G. Die Politische Erziehungsarbeit in den Schulungslagern des NSD Studentenbundes // *Volk im Werden.* 1935. Jg. 3, no. 2. S. 95.
12. Kremer H. Die kulturpolitischen Aufgaben des NSD Studentenbundes // *Volk im Werden.* 1935. Jg. 3, no. 2. S. 99.
13. Derichsweiler A. Student der Bewegung // *Volk im Werden.* 1935. Jg. 3, no. 2. S. 84.
14. Groß W. Vom neuen Kämpfertum des Studenten // *Volk im Werden.* 1935. Jg. 3, no. 2. S. 93.
15. Streit H. Das Reichsstudentenwerk // *Volk im Werden.* 1935. Jg. 3, no. 2. S. 131–135.
16. Legislative basis of activities of «National-Socialist People's Welfare» within the Framework of Social Legal Policy of the Nazi Regime / R.S. Izudinova, E.A. Palamarchuk, Y.P. Pariy-Sargeenko, I.A. Sarychev, G.G. Slobodyanyuk // *Journal of Politics and Law.* 2020. Vol. 13, no. 2. P. 181–188.
17. Паламарчук Е.А. Социальная политика Третьего рейха и ее законодательная основа (историко-правовое исследование). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. URL: <https://equuleusbook.xyz/books/sotsialnaya-politika-tretego-r>
18. Gaensecke R. Die Entwicklung des Frauenstudiums und seine Aufgabe im heutigen Staat // *Volk im Werden.* 1935. Jg. 3, no. 2. S. 114.

References

1. Plato. *Essays.* Moscow, 1971. Vol. 3. Part 1. 685 p. (In Russ.).
2. Lubasz H. (ed.). *Fascism. Three Major Regimes.* New York, 1973. 188 p.
3. Koch H.W. *History of the Hitler Youth. Their origins and development 1922–1945.* Percha on Lake Starnberg: Verlag R. S. Schultz, 1975. 487 p. (In Germ.).

4. Kater M.H. *The Nazi Party. A. Social profile of members and leaders, 1919–1945.* Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press, 1983. 415 p.
5. Erin M.E., Ermakov A.M. *Imperskaya trudovaya povinnost' v natsistskoi Germanii (1933–1945)* [Imperial labor conscription in Nazi Germany (1933–1945)]. Yaroslavl: Yarosl. University Publ. House, 1998. 195 p.
6. Noakes J. The ivory tower under siege: German universities in the Third Reich. *Journal of European Studies. Literature and ideas from the renaissance to the present*, 1993, vol. 23, part 4, no. 92. P. 394.
7. Giles G.J. The Rise of the National Socialist Students' Association and the Failure of Political Education in the Third Reich. In: Stachura P.D. (ed.). *The Shaping of the Nazi State.* London: Croom Helm; N.Y.: Barnes and Noble Books, 1978, pp. 153–180.
8. Anikeev A.A., Kolga G.I., Pukhovskaya N.E. NSDAP: ideologiya, struktura i funktsii [NSDAP: ideology, structure and functions]. Stavropol: SSU Publ. House, 2000. 323 p.
9. Giles G.J. University Government in Nazi Germany: Hamburg. *Minerva. A Review of Science, learning and policy*, 1978, vol. XVI, no. 2, pp. 198–199.
10. Bramstedt E.K. *Goebbels and National-Socialist Propaganda 1925–1945.* London, 1965. 488 p.
11. Mähner G. Political educational work in the training camps of the NSD Student Association. *People in the making*, 1935, vol. 3, no 2, pp. 95. (In German).
12. Kremer H. The cultural-political tasks of the NSD student union. *People in the making*, 1935, vol. 3, no. 2, pp. 99. (In Germ.).
13. Derichsweiler A. Student of the movement. *People in the making*, 1935, vol. 3, no. 2, pp. 84. (In Germ.).
14. Groß W. On the new fighting spirit of the student. *People in the making*, 1935, vol. 3, no. 2, pp. 93. (In Germ.).
15. Streit H. The Reich Student Union. *People in the making*, 1935, vol. 3, no. 2, pp. 131–135. (In Germ.).
16. Izudinova R.S., Palamarchuk E.A., Pariy- Sargeenko Y.P., Sarychev I.A., Slobodanyuk G.G. Legislative Basis of Activities of "National-Socialist People's Welfare" within the Framework of Social Legal Policy of the Nazi Regime. *Journal of Politics and Law*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 181–188.
17. Palamarchuk E.A. *Sotsial'naya politika Tret'ego reikha i ee zakonodatel'naya osnova (istoriko-pravovoe issledovanie)* [Social policy of the Third Reich and its legislative basis (historical and legal research)]. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. URL: <https://equuleusbook.xyz/books/sotsialnaya-politika-tretego-r>.
18. The development of women's studies and its role in today's state. *People in the making*, 1935, vol. 3, no. 2, pp. 114. (In Germ.).

Информация об авторах

А.Ю. Мамычев – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры российской политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

А.Ю. Мордовцев – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия.

Information about the authors

A.Yu. Mamychev – Doctor of Political Studies, Associate Professor, Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

A.Yu. Mordovtsev – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia.

E.A. Palamarchuk – Doctor of Historical Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia.

Статья поступила в редакцию 06.11.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 06.11.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.